

ТРИ НОВЫХ ГОДА

Натаалья Тюринa – о празднике, который всегда с нами

История первая. НАЧАЛО

Ему было двадцать три, когда с подчеркнутой развязностью и неживыми от ужаса глазами он подошел ко мне познакомиться и тут же пригласил отметить это событие. Я уже целый год работала с ним в одной телевизионной редакции, но никогда не обращала внимания на этот узкий силуэт. Меня интересовали мужчины с десятком лишних килограммов, легкой сединой и ярко выраженным цинизмом. Один такой циник с равнодушием хирурга содрал с меня кожу заживо года за два до этого и ушел продолжать фарцовый московский кутеж восьмидесятых с другими восторженными ученицами первых курсов институтов. Кожа снова расти не хотела, терять мне было нечего. Мы пошли в липкий ресторан с толстым хрусталем и маленькими тарелочками из Дулева на столах. Обычно восприимчивая, я словно бы и не замечала ленивого хамства официантов. Мне стало так хорошо в этом доперестроечном общепите, что я, ни секунды не сомневаясь, ответила ему «КОНЕЧНО», когда он, по-подростковому пьяный, заявил: «Ты смеешься моим шуткам, и мне это нравится, нам надо пожениться». Я привела его домой и, велел ложиться спать, пошла успокаивать мать, которая решила выступить с протестом против появления в доме пьяного мужчины. Когда я сказала ей, что это и не мужчина вовсе, он явился в дверях ее спальни с репликой: «Кто не мужчина? Я, между прочим, будущий муж». Мать рассмеялась, потому что на нем ничего, кроме

шапки, не было, и мы смеялись втроем целых три недели до самого дня нашей свадьбы. Потом, когда после банкета мы наконец легли спать, он посмотрел на меня, я – на него и мы поняли, что то, ради узаконивания чего люди женятся, мы еще ни разу не делали. Нам было не до рутины. Потом мы снимали передачи назло тем, кто говорил, что нельзя жить и работать вместе, по вечерам лепили пельмени с нашим оператором и стали любимцами московского телезрителя, к которому ехали на помощь, размахивая камерой и микрофоном. В стране все перестраивали, ломали старое, не умея делать новое, а мы создавали новый телевизионный стиль и думали, что революционеры. И любовь эта была немереной, как немерено было и наше счастье. Через несколько месяцев я сидела дома одна перед телевизором и смотрела, как он рассказывал Владимиру Молчанову о нашей любви и ребенке, который вот-вот появится на свет, от чего я и не пришла на новогодний выпуск знаменитой «ДО И ПОСЛЕ ПОЛУНОЧИ», боясь разродиться на глазах миллионов. Молчанов смотрел на меня с экрана своим крупным планом и желал много счастья, моя мама лежала в больнице, и жить ей оставалось мало времени, а я ела винегрет и плакала от того, что не согласна была с тем, что они сидят в телевизоре, а я с пузом сижу дома. И еще я точно знала, что мое десятилетнее счастье осталось в этом телевизоре художественным фильмом. Дочь сильно ударила меня изнутри по пояснице, я велела ей сидеть смиренно, потому что не

Я ела винегрет и плакала,
что они сидят в телевизоре,
а я – с пузом дома

хотела рожать на Новый год, мы выпили с ней шампанского за лучшие времена, а спустя тринадцать дней, на русский Новый год, она попросилась на свет снова. Страна, в которой она родилась, стала разваливаться, люди перестали любить нас, нам показалось, что мы перестали любить друг друга, и, собравшись с силами, мы начали новую жизнь.

История вторая. НА ПЛЯЖЕ

Дочь привела его к нам домой в день католического Рождества. Сама она этот праздник не отмечала, потому что считала себя русофилкой, какими себя часто считают никогда не жившие на исторической родине дети эмигрантов. А он был мусульманином и Рождество не отмечал в принципе. Они собирались в ночной клуб, дочь ушла наверх одеваться, а он остался со мной и моим маленьким сыном наряжать елку. Он был очень большой и мягкий, как плюшевый мишка, в своем белом шерстяном свитере. Он легко подкидывал моего сына вверх, и тот визжал от восторга, а я вдруг поняла, что никто никогда не носил меня на